***

Я хрупок – поэтому мир мой хрупок.
Он вроде крепчает, а вроде и нет –
в углу сознанья, где ветер в рупор
ругается и плюётся в ответ

холодной, кислой – на вкус мой точный –
железисто-магниевой водой;
немного ржавой и водосточной,
но с неба, и как ни крути – святой.

А я выражаю безумие сухо,
скорость падения, что велика,
не разбавляя ничем силу духа
и выживание на века.

***

На ресницах капли слёз тяжёлых,
и они срываются с ресниц,
вспыхивая, – свет усилен в голых
четырёх стена́х, движеньях лиц:

все черты искажены и ломки
в приглушённом ходе темноты,

в запахе поплывшей киноплёнки,
склеенной во всех местах, где ты!

***

Всё закатают в снежный ком:
я снеговик, ты – баба
в три этажа. Глаза ледком,
сердечко бьётся слабо.

И башни города – из глаз,
из спин – мостов опоры.
И если мне не хватит ласк, –
а мне не хватит, спорим, –

ты станешь ниже на пролёт.
И из груди аллеей –
текут, как неготовый лёд
и света алетейя –

все музы в хороводе слёз,
бессонницей помяты.
Чего им только не спалось
под снег и запах мяты.

Слоями прожитых страстей
укладывая на́ бок –
ком нарастает всё быстрей,
ты – снеговик, я – баба.

***

Кто там с горочки катился,
ой, и, кажется, упал!
День в глазах его светился,
точно море среди пальм.
Кто лежит глазами к морю,
а не носом в тёплый снег,
и высматривает нору,
чтобы спрятаться от всех.

***

Этот город меня обманул,
в утешительный дождь обмакнул.
Он меня, как усталый металл,
ржой накрыл и водой измотал.

Я пишу, сам не знаю кому:
ей – случайной, любому – ему.
И письмом в этот город зову,
потому что и сам в нём живу.

***

Только любовь может меня спасти.
Небо – волной нас подымает над... –
тело с душой чтобы на миг свести,
и откатить назад;

Чтобы рассвета розовая вода
стыла в ладонях, будто огонь, легка...
Чтобы два сердца вместе взошли туда –
в небо, на облака.

...Если наутро выпадет боль росой.
Если мелодия лучше без слов, как свет, –
прямо в глаза – слепит, а по косой –
жжёт под тяжестью век.

***

Жизнь исчезает, тает быстро,
как снег, играя на лету
холодным светом серебристым, –
светло обманчиво в лесу.
Вот-вот закончатся дорожки,
подмигивать устанет снег,
и ни землянки, ни сторожки.
По мрамору скользящий свет
крутящего картинки ветра –
куда? – где лестница, где лаз?

...Не сыгран Гамлет, да и Вертер –
не мной, не мной и в этот раз...

***

Сочинял вне времени и вне места,
вне страны и вне языка.
Подключая сны свои вроде квеста,
чтобы вас не брала тоска.
Спите, милые, в спальнях или окопах,
время выбрало и меня
подсыпать вам в паузах и синкопах –
для негаснущего огня –
листья в красных прожилках сло́ва,
снег искристый на тыщу строк
быстро тающих, он возродится снова –
всеобъемлющ, как белый бог.

***

Есть тысяча ответов на вопрос.
Вопрос не задан, что же остаётся:
подслушать листьев шёпот, шум волос
про дождь, что хочет лить, но не прольётся
на грешных, что горят в своём огне,
и от дождя сильнее разгорятся.
...И нет такой любви и сил во мне,
чтоб и любить, и не сопротивляться.